

Люциан лежал на больничной койке, устремив взгляд в стерильно белый потолок. В палате было тихо, если не считать мягкого жужжания больничного оборудования, но на душе у него было далеко не спокойно. Он пробыл в одиночестве не более получаса с тех пор, как ушли сотрудники WPA, оставив его наедине с вихрем событий, перевернувших его жизнь за последние два дня.

Всего два дня назад он жил на улице, безымянный мальчик, которому не было до кого-либо дела, и он выживал, грабя время от времени богатых людей. Это было не так уж страшно, говорил он себе, никто не заметит пропажи нескольких купюр, и он никому не причинял вреда. Но потом появился тот человек. Ублюдок-садист, который похитил его без всякой видимой причины, пытал до полусмерти, и всё это ради своего извращённого развлечения.

Люциан сжал кулаки так, что костяшки его пальцев побелели. Почему? Почему этот человек зашел так далеко? Он мог просто избить его и оставить уползать. Но нет, этот человек получал удовольствие, заставляя Люциана страдать, причиняя боль до тех пор, пока смерть не стала казаться единственным избавлением. Люциан содрогнулся при воспоминании, его тело все еще носило следы пережитого испытания.

"Люди в наши дни... они нехорошие люди, - пробормотал Люциан в пустоту комнаты, и горький вздох сорвался с его губ. Он поймал себя на том, что жалуется Богу, если такое существо вообще существует. "Если ты там, наверху, то у тебя нездоровое чувство юмора".

Люциан представил, как если бы Бог слушал Его, Он раздраженно покачал бы головой. В конце концов, кто первым попытался ограбить того человека? И что это было за предложение никому не мешать? Люциан грабил по меньшей мере пятерых богачей каждый день, и вместо того, чтобы откладывать деньги, он тратил их на дорогую одежду и еду.

"Я бы уже был миллионером, если бы у меня была хоть капля мозгов", - признался Люциан, криво улыбнувшись.

Но, несмотря ни на что, из этого бардака вышло что-то хорошее. Впервые в жизни у Люциана появилось имя Люциан Валентино. Это было то имя, которое он мог бы назвать своим собственным, то, о чем он всегда мечтал. На его лице появилась легкая искренняя улыбка - редкое зрелище, к которому даже он не привык.

[Динь!]

Внезапный звук раздался у него в голове, отвлекая его от размышлений. Глаза Люциана расширились, когда он оглядел комнату, пытаясь определить источник шума. Все было так ясно, так реально, но не было ничего необычного. Его сердце бешено заколотилось. «У меня галлюцинации?» — прошептал он себе. Учитывая всё, что произошло, это не было бы удивительным.

[Хозяин, у вас не галлюцинации. Я — ваша система.]

Голос вернулся, на этот раз более отчетливо, более... реально. Тело Люциана напряглось, инстинкты взяли верх. Он вскочил с кровати, схватил лежавший рядом отчёт и размахивал им как оружием. «Кто бы ты ни был, выходи! У меня нет денег, и если ты тот, кого я ограбил раньше, предупреждаю: это больница, и за мной присматривают сотрудники WPA. Не будь безрассудным!»

Люциан оглядел комнату, проверяя каждый угол, каждую тень. Но вокруг не было никаких признаков жизни. И всё же голос звучал так, будто исходил из его головы. Его начала

охватывать паника. «Кто-то использует на мне ментальные искусства? Зачем кому-то настолько могущественному связываться со мной?»

[«Вздых», я начинаю сомневаться, не ошибся ли я, выбрав тебя своим носителем.]

Глубокий раздражённый голос снова раздался в его голове, и Люциан почувствовал, как по спине пробежал холодок. «Носитель? Глупый человек? О чём ты говоришь? — спросил Люциан, всё больше смущаясь. Кем бы или чем бы это ни было, оно определённо насмехалось над ним.

— Если ты называешь меня глупым, то следующим, кого ограбят, будешь ты, — пригрозил Люциан, размахивая папкой в воздухе, пытаясь сохранить хоть какое-то подобие контроля. Он знал, что это бесполезный жест, но это было всё, что у него было. Он медленно подошёл к окну, выглянул наружу и плотно закрыл его. Мысль о том, что он заперт в комнате с этим невидимым существом, была ужасной, но выйти на улицу могло быть ещё хуже. Что, если оно ждёт его снаружи?

[Успокойся, малыш. Я не твой враг. На самом деле, я мог бы стать твоим лучшим другом.]

Голос был настойчивым, но Люциан не собирался ослаблять бдительность.

— Другом? У меня нет никаких спутников, — возразил он дрожащим, но вызывающим голосом. Он продолжал осматривать комнату в поисках какой-нибудь зацепки, какого-нибудь признака того, что происходит.

[Послушай, парень, не двигайся. Просто послушай меня. Я привязан к твоей душе или сознанию, как бы вы это ни называли. Перестань вести себя как хулиган, потому что теперь ты удостоился чести получить то, за что даже боги готовы умереть.]

Голос стал более властным, и Люциан, сам того не желая, почувствовал странное желание подчиниться. Его тело само собой опустило папку с отчётом на стол и село на кровать. Как будто его разум разделился на две части: одна из них всё ещё была настороже, всё ещё была начеку, но другая была полностью очарована приказом голоса.

[Прости, что я использовал на тебе свои силы, но сейчас это был единственный способ.]

Сердце Люциана бешено колотилось в груди. Что происходит? Инстинкты кричали ему бежать, сражаться, но его тело оставалось неподвижным. — Кто ты? Что ты имеешь в виду под «привязан ко мне»? И что, черт возьми, такое система?" Вопросы посыпались в спешке, в его голосе слышались страх и замешательство.

[«Вздых»... Давайте начнем с самых основ. Я - система, концепция, а не единое целое. Я создан на основе коллективных знаний бесчисленного множества людей.]

Люциан моргнул, пытаясь осмыслить сказанное. "Я не понимаю ни слова из того, что ты говоришь. Ты собираешься убить меня за тупость?" Он спросил, наполовину шутя, наполовину в ужасе. Голос снова вздохнул, и этот звук, казалось, отозвался эхом в глубине его разума.

[Хорошо, позволь мне объяснить. В начале этого бесконечного мира, то есть бесконечных миров, существовали существа, которые несли в себе изначальные концепции. Эти существа были созданы или рождены из самого мира, то есть у них не было продолжительности жизни, бесконечной продолжительности жизни.]

Голос продолжил, терпеливо, но твёрдо, словно объясняя сложную идею ребёнку.

[Изначальные были созданы из многих понятий: жизнь, смерть, свет, хаос, огонь, вода и так далее. Все они сильно отличаются друг от друга. Изначальные - это основополагающие или изначальные сущности или силы во всей реальности.]

Люциан подался вперед, несмотря на страх, его охватил интерес. Это было не похоже ни на что из того, что он когда-либо слышал, что-то огромное и непостижимое. Голос системы нарисовал картину реальности, которая была далеко за пределами его понимания.

[Но правило бесконечного мира таково, что ничего не остаётся. Изначальные существа обладали всем, о чём только можно мечтать, но всё же они погибли в долгой реке времени. Они были неизменными, бессмертными, их нельзя было убить или стереть, но их больше не существует. Ты знаешь почему, хозяин?]

Вопрос повис в воздухе, и Люциан задумался. Он не мог понять, как что-то бессмертное могло просто... исчезнуть? — Их убили? Они сражались друг с другом? Мир их уничтожил? — выпалил он, не успев собраться с мыслями. Ничто не имело смысла.

[Неверно. Их не убили. Они покончили с собой.]

Осознание ударило Люциана, как удар под дых. Его глаза расширились от недоверия. — Зачем им это делать? Зачем кому-то кончать с собой, особенно если они бессмертны? Голос Люциана дрожал, сама мысль была для него непостижимой.

[Прожив бесконечное количество времени, они сделали всё, что хотели. Но всё равно чувствовали пустоту. Со временем всё стало скучным, и они потеряли желание жить. Бессмертие стало их величайшим проклятием...]

Слова системы затихли, оставив Люциана в ошеломлённом молчании. Мысль о том, что можно жить вечно, но быть поглощённым скукой и пустотой, была ужасающей. Он всегда мечтал о большей власти, большем контроле, но это... это был сущий кошмар.

Его разум метался, пытаясь осознать всю чудовищность того, что говорила ему система. Эти первобытные существа, со всей их силой и бессмертием, предпочли покончить с собой, чем продолжать существование, лишённое смысла. Это была отрезвляющая мысль, заставившая Люциана усомниться во всем, чего он когда-либо хотел.

На мгновение в палате воцарилась тишина, нарушаемая лишь слабым писком больничных аппаратов. Люциан почувствовал, как по его шее стекает струйка холодного пота, пока он осознавал реальность своего положения. Он только что пережил ужасное испытание, и теперь эта система, чем бы она ни была, связала себя с ним.

Он не был уверен, радоваться ему или ужасаться. Но одно было ясно: его жизнь больше не принадлежала ему.